

ЛОГИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИРОНИИ В ТЕТРАЛОГИИ ЛАКСНЕССА «СВЕТ МИРА»

С. НЕДЕЛЯЕВА

Создание любого стилистического эффекта средствами синтаксиса выражается в особом построении фразы, соединении слов и фраз, являющимся нередко отклонением от синтаксических норм, с целью привлечения внимания читателя именно этими особенностями выражения мысли.

Способы создания иронии в тетралогии «Свет мира» специально средствами синтаксиса можно разделить на две группы по функциональному признаку. Синтаксические приемы используются, во-первых, для создания всякого рода несогласованности словесных сцеплений, во-вторых, с целью логико-эмоционального выделения речевых единиц.

I. НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ СЛОВЕСНЫХ СЦЕПЛЕНИИ

Несогласованность словесных сцеплений может быть стилистической и логико-семантической. Стилистические контрасты выражаются в смене стилевых систем, цель которой — дискредитация понятий в контексте. Разновидностей стилевых контрастов в тетралогии очень много — от столкновения стилевых систем внутри фразы и словосочетания до столкновения между стилевыми системами глав и целых частей тетралогии.

Иронический эффект от подобной несогласованности словесных сцеплений определяется не тем, как соединяются слова и фразы, а тем, что в непосредственной близости оказываются слова и фразы различной стилиевой окраски. В случае логико-семантической несогласованности словесных сцеплений ирония определяется как раз тем, как соединяются слова и фразы, эмоциональная же окрашенность может не иметь существенного значения.

Говоря об алогизме словесных сцеплений, необходимо прежде всего отметить грамматическое оформление как однородных членов слов, принадлежащих к различным смысловым категориям и не имеющих основания для такого объединения. Такая конструкция носит название присоединительной и часто употребляется писателями в целях ко-

мизма. У Лакснесса присоединительная конструкция является важным компонентом сатирического описания.

В тексте тетралогии очень часто встречается нарочитое сближение далеких понятий. Оформление их как однородных членов резче выявляет их принадлежность к различным смысловым и стилистическим категориям. Однако алогизм в соединении далеких понятий обычно кажущийся. Основания для объединения, как правило, имеются.

Чаще всего объединение оказывается возможным потому, что слова используются в контекстных значениях. Таково, например, употребление слов *Danir*, *Russar*, *Skáld* «датчане», «русские», «поэты» в контексте тетралогии. Все три слова не имеют отношения к реальным понятиям, обозначаемым этими словами в языке. Все три слова тенденциозны и являются бранными кличками, данными Пьетуром рабочим, поэтому объединение их в речи Пьетура в качестве однородных оказалось возможным:

Ef Danir, Rússar og Skáld stofna sokkafélag, þá stofna ég brókafélag, sagði Pétur Þríbross. II, 222.

«Если Датчане, Русские и Поэты создают чулочное общество, я создам брючное общество,— сказал Пьетур Три Лошади».

Нагромождение однородных членов в следующем случае нужно Лакснессу для того, чтобы высмеять Пьетура Паульссона с помощью его собственной речи. Однородных членов здесь 13, — хотя перечисление прерывается, но синтаксический параллелизм с одинаковым зачином фразы, повторяющим глагол, к которому относится перечисление, способствует осмыслению всех членов перечисления как однородных.

Ég ætla að gera úr því fiskimjölsverksmiðju og stjörnutúrni fyrir fólkid, skilurðu mig. Og ég ætla að gera úr því leikhús, verslunarbúðir, netagerðarvinnustofu og kirkju, því guð er eilífur, hvað sem strákurinn í Skjólinu segir. Og ég ætla að gera úr því beituhús, matsöluhús, hótél, íshús, vísindafélag, svínastífu og íbúðarhús handa sjálfum mér, segi ég. I, 215.

«Я собираюсь делать из него (дома — С.Н.) фабрику рыбной муки и обсерваторию для народа, понимаешь? И я собираюсь сделать из него театр, магазин, мастерскую по ремонту сетей и церковь, ибо бог вечен, что бы там ни говорил парень из Скьюула, сарай, ресторан, отель, холодильник, академию наук, свинарник и квартиру для себе самого, говорю я.»

Основание для объединения столь различных по смысловому и эмоциональному содержанию слов заключается в том, что все перечисляемые мероприятия сливаются для Пьетура в одно, так как он не собирается осуществлять их, ему важно выгоднее застраховать здание, которое необходимо поджечь, чтобы уничтожить документы жульнического Товарищества по Восстановлению.

Объединение слов из области науки, церкви, промышленности, торговли, искусства дается, кроме того, с целью разоблачения дилетантизма директора.

Имеются основания для постановки в ряду однородных членов и даже комического объединения в обобщающем слове следующих предметов:

Á eftir stóreignasmanninum var heiðinginn Jón Einarsson börinn í húsið himinlifandi slefandi yfir sólskinni, bifreiðinni, kosningunum og kristnum mönnum yfirleitt. II, 141.

«Вслед за помещиком в дом внесли Йоуна Эйнарссона, язычника, начавшего блаженно пускать слюни при виде солнца, автомобиля, выборов и вообще христиан».

Нелепое на первый взгляд объединение слов различных смысловых категорий изображает восприятие увиденного глазами сумасшедшего старика, позволяет представить его идиотский взгляд и бессмысленную радость по поводу неожиданного развлечения. Такое построение фразы является важным штрихом, придающим гротескный характер описанию сцены выборов.

Противоречивость словесных сцеплений может создаваться путем подчеркнуто необычного соединения слов. Так, грамматически правильное сочетание грамматически однородных, но неоднородных в смысловом отношении слов используется для иронического описания внешности Фельгора.

I hjónarúminu hvíldi bráðfeitur nár, sköllóttur, blár í framan, með munninn opinn og tennurnar á náttborðinu. II, 258.

«В супружеской постели покоился лоснящийся от жира мертвец, лысый, с синим лицом, с открытым ртом и зубами на ночном столике.»

В данном случае грамматическая многозначность подразумеваемого глагола-связки явилась для писателя формальным основанием для объединения различных по своим смысловым связям семантических групп в качестве однородных.

Совершенно аналогично использование грамматической многозначности глагола *spilla* «портить» для объединения в качестве однородных словосочетаний *íslensk túnga* «исландский язык» и *álit Sviðinsvíkueignar útávið* «мнение о Свидинсвике за его пределами» в целях комизма, в то время как при неаффектированном выражении той же мысли требовалось бы два раза употребить глагол *spilla*.

Reimar skáld... spjlti íslenskri túngu ásamt álitu Sviðinsvíkureignar útávið. II, 20.

«Поэт Реймар... портил исландский язык, а также мнение о Свидинсвике в других округах».

В данном случае внимание привлекает также выбор предлога *ásamt* «а также» и порядок слов, не соответствующий распределению членов предложения по степени их важности. Неожиданная забота Пьетера об исландском языке и как бы между прочим упоминание о том, что в сущности для него важно, кажутся смешными, так как именно по второй причине в действительности Пьетур прогоняет Реймара.

Нередко необычное употребление вводных слов свидетельствует о своеобразном соотношении понятий или явлений.

Ekki tala sona ljótt vinur, við erum ekki aðeins giftir menn, heldur það sem meira er, við erum mentaðir menn, sagði framkvæmdastjórinn. I, 294.

«Не говори так грубо, дружок, мы не только женатые люди, более того, мы образованные люди, сказал директор».

Ненужная градация, установление отношений между словами по степени важности в то время как в данной ситуации эти слова скорее мыслятся как синонимы, вызывает смех. В то же время Пьетуру действительно очень важно, чтобы его считали образованным человеком.

С помощью выражения í eðli sínu «в сущности» обычно вводится какое-то пояснение к уже сказанному, или, наоборот, возражение. Но Пьетур уже дал оценку обществу рабочих, определив его как lúsafélag «вшивое общество», поэтому следующее определение, вводимое словосочетанием í eðli sínu, не сообщает ничего нового и не противопоставлено первому, а скорее развивает его.

Þeir halda víst þeir kúski mig með því að skriða saman í lúsafélag sem er í eðli sínu letingja- og druslufélag. II, 44.

«Они думают, что заставят меня замолчать, если сгрудятся во вшивое общество, которое в сущности есть не что иное, как общество бездельников и негодяев».

По смыслу здесь было бы уместно оформление эпитетов, которые Пьетур дает обществу, организованному рабочими, как однородных.

Иногда однородные члены объединяются ироническим обобщающим словом:

Mönnum hafði hepnast að ná í brennivín og það var bölv, klám, öskur, sprúa, áflog, beinbrot og önnur skemtan. II, 143.

«Людям удалось раздобыть водки, и начались проклятия, непристойности, рев, рвота, драка, переломы костей и прочие развлечения».

Однако несоответствия здесь меньше, чем может показаться, ибо это и в самом деле развлечение для жителей поселка Свидинсвик.

Очень часто неожиданность перехода от одной фразы к другой при бессознательном соединении фраз производит впечатление бессвязности речи, резких скачков мысли. В действительности здесь наблюдается бессюзная причинная связь.

Ef þú átt hvergi heima, þá gef ég þér höll. Kærleikurinn er það eina sem borgar sig. Mitt nafn er Three Horses. I, 212.

«Если у тебя нет дома, я дам тебе дворец. Любовь — это единственное, что возвращает затраченные труды. Меня зовут Три Лошадки».

Второе и третье предложение раскрывают, почему Пьетур решил дать пристанище поэту. Слова Пьетура оборачиваются его язвительнейшей характеристикой. Причинная связь между фразами прозрачна. В сущности, фразы связаны следующим образом:

«Если у тебя нет дома, я дам тебе дворец. (Потому что) Любовь это единственное, что возвращает затраченные труды. (Недаром) Меня

зовут Пьетур «Три Лошади» (намек на то, что Пьетур начал свою головокружительную карьеру с того, что заложил одну лошадь одновременно троим).

Очень часто кажется, что последующая мысль не вытекает из первой, хотя она подается как вывод из предшествующей.

En sem skáld og hugsjónamenn verðum við einnig að líta frammávið: kirkja er ekki einhlít, við eigum líka að hafa flugsamgaungur. II, 45.

«Но как поэты и люди, имеющие идеалы, мы должны также смотреть вперед: церковь еще не все, мы должны также иметь авиационное сообщение».

На самом деле здесь такая же контекстная причинная связь.

Резкая смена темы в следующем случае воспринимается как нарушение логического хода мысли. Тирада о молоке, произносимая Джентельменом из столицы, неожиданно перебивается словами «другое дело», «зато»...

Mjólk er bannhelgi, góði vinur, mjólk er klám, skílfurðu mig. Hitt er samningsatriði, og það er ég reiðubúinn að taka til athúgunar við tækifæri, hvar maður á að skipa nautgripum í flokk. II, 247.

«Молоко — это запретная тема, дружочек, молоко — это неприлично, понимаешь. Зато подлежит обсуждению, и я готов это обдумать при случае, к какой партии следует отнести рогатый скот.»

Тут Джентельмен, тирада которого является пародией на речи депутатов Альтинга, проговаривается о самом важном: о том, что интерес к сельскому хозяйству для него лишь средство привлечь крестьян к своей партии.

Смысл последующего высказывания может противоречить смыслу предыдущего.

Nei, ...guð er óendalegur, og hann existérast. I, 253.

«Нет, бог вечен, и он существует», — утверждает Пьетур, забывая о логическом согласовании фраз. Обе фразы являются ответами на высказывавшиеся противоположные утверждения, первая — революционера Эрдна Ульвара и вторая — самого Пьетура, задавшего вопрос, чтобы его опровергнуть. О том, что первая фраза полемически направлена против Эрдна, свидетельствует промелькнувшая раньше фраза ég ætla að gera úr því... kirkju, því guð er eilífur, hvað sem strákurinn í Skjólínu segir. I, 215. — «я собираюсь сделать из него церковь, потому что бог вечен, что бы там говорил Парень из Скъоула (т.е. Эрдн).»

Поскольку обе фразы являются полемическими ответами, их объединение в речи Пьетура понятно, но ему следовало бы поменять их местами.

Логико-семантическая противоречивость словесных сцеплений обнаруживается также внутри словосочетаний, когда они образуют юмористические оксюмороны.

Оксюмором называется «внутренне противоречивая группа из двух слов, принадлежащих к разным грамматическим классам и контрастных по своему лексическому значению»¹.

Оксюморны, встречающиеся в тетралогии, чаще всего представляют собой сочетание существительного и определения к нему, выраженного прилагательным или причастием: *si-endurtekna dauði* «все возобновляющаяся смерть», *dauða sál* «мертвая душа», *lifandi lík* «живой труп».

Данные оксюморны основаны на контекстных значениях слов или на их переносном употреблении. Так, лексически противоречивое сочетание *si-endurtekna dauði* «все возобновляющаяся смерть» соответствует описываемой действительности, так как Фельгор действительно постоянно «умирает», т. е. пьет до потери сознания². Комическое впечатление от этого оксюморона усиливается благодаря тому, что эти слова передают мысли Оулавюра, который еще не понял, что Фельгор в действительности не умир, а просто пьян.

Hún leiddi skáldið gegn vilja hans inní næsta herbergi; hann þótti ekki annað en gánga á tánum af lotningu fyrir þessum mikla og si-endurtekna dauða. II, 258.

«Она повела поэта против его желания в соседнюю комнату. Он вошел на цыпочках, благоговей перед этой величиной и все возобновляющейся смертью».

Оксюморон *dauða sál* «мертвая душа» передает мягкую иронию по отношению к мальчику Оулавюру, прикованному болезнью к постели.

Menn... höfðu verið beðnir fyrir bréf og böggul til þessarar dauðu sálar sem þreyði hér í horninu undir súðinni. I, 63.

«Людей... попросили передать письмо и узелок этой мертвой душе, которая скорчилась здесь в углу у покато́й стены.»

Образ был заимствован, по-видимому, у Гоголя, однако его употребление в тетралогии кажется очень естественным и удачным. Слово *sál* «душа» употреблено в обычном, языковом значении, в соответствии с религиозными переживаниями Оулавюра в детстве.

Столкновение антонимических корней в словах *lifandi* и *dauðreppar* «живые» и «смертельно усталые» делает оксюмором сочетание *lifandi dauðreppar konur* I, 331. — «живые смертельно усталые женщины». Словосочетание *lifandi dauðreppar konur* является не трехчленным, а двучленным, так как последние два слова представляют единый смысловой комплекс; к которому слово *lifandi* является определением. Отрицание лексическим значением определения лексического значения того комплекса, который оно определяет, отражает внутреннюю противоре-

¹ М. К. Морен, Н. Н. Тетеревникова, *Стилистика современного французского языка*, М., 1960, стр. 282.

² Игра слов. Исландское слово *dauður* «мертвый» в разговорной речи значит также «мертвецки пьяный».

чивость самого явления: Мысль о том, что жителей Свидинсвика трудно назвать живыми людьми, многократно варьируется на протяжении 26-ой главы в романе «Замок в царстве лета» и становится ее лейтмотивом.

II. СРЕДСТВА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО ВЫДЕЛЕНИЯ

Средствами эмоционально-логического выделения в целях создания иронического эффекта являются повторы, различного вида параллелизм синтаксических конструкций, нагнетение синонимов и однородных членов, подхват и стык.

Повторы и параллелизм синтаксических конструкций

Повторы в тексте тетралогии служат прежде всего средством межфразовой связи и вообще связи больших или меньших кусков текста. Частично роль лексических повторов рассматривается при анализе тенденциозно используемых слов³. Одним из важных моментов в разоблачении тенденциозного словоупотребления становится, как указывалось, повторение одних и тех же слов разными людьми и употребление их в обоих противоположных стилевых планах. Так, сквозным является слово *sál* «душа». Оно появляется с первых страниц, постоянно встречается при описании переживаний Оулавюра и служит основой противопоставления Оулавюра то одному, то другому из персонажей: Магнине, Яртрудур, Пьетуру, Тоурунн из Камбар, Реймару, поверенному в делах Товарищества по Восстановлению и др. Слово *andi* «дух», а также частичный повтор его в прилагательном *andlegur* «духовный» образует стержневую основу нагнетения иронического эффекта в главе 14-ой романа «Замок в царстве лета».

Для речи большинства сатирических персонажей характерны слова — лейтмотивы, нередко повторяющиеся многократно. Таково слово *peningar* «деньги» в речи Тоурунн из Камбар:

Það er alt lýgi sem þú segir meðan þú stelur ekki peningum. Peningar eru sanleikur. Það er alt ljótt sem þú gerir ef þú hefur ekki stolið peningum. Peningarnir eru fegurðin. Þú ert vondur maður ef þú stelur ekki peningum. Peningar eru kærleikurinn. Hvað ég hata þetta peningalausna djöfulsins hundalíf sem gerir manneskjuna minna virði en slor og grút. I, 320.

«Все ложь, пока ты не крадешь денег. Деньги — это правда. Все, что ты делаешь — дурно, если ты не украл денег. Деньги — это красота. Ты злой человек, если ты не украл денег. Деньги — это любовь. Как я ненавижу эту проклятую безденежную собачью жизнь, когда человек значит меньше чем рыбные отходы и ворвань.»

Таковыми же лейтмотивами являются в речах Пьетура слова *nútíminn* «современность», II, 47, *kærleikur* «любовь», I, 203.

Отдельные речевые периоды также могут иметь сквозные слова, несущие на себе семантическую нагрузку всего периода: Повторение слова

³ См. предыдущую статью.

glæpur в форме единственного или множественного числа, и заменяющего его местоимения þá «их», придает этому слову иронический оттенок.

Hvað sem glæpur kann að vera í eðli sínu, og mannlegur verknaður yfirleitt, þá verða glæpir að sannast og viðurkennast, til að gefa heitið því nafni; hitt er aukaatriði hvort maður veit sig hafa drýgt þá eða hvort maður hefur drýgt þá, eða hvort aðrir vita mann hafa drýgt þá, eða hvort glæpir eru í raun og veru til: með sönnun og játun hefst glæpurinn í reynd. II, 227.

«Чем бы ни было преступление по своей природе, как и любой человеческий поступок, преступление должно быть доказано и признано, чтобы называться этим именем; неважно, знает ли человек, что он совершил его, совершил ли он его, знают ли другие, что он совершил его, неважно, существуют ли вообще преступления: после доказательства и признания преступление начинает существовать.»

Трёхкратным повторением слова erindi «дело» в следующем случае создается ироническое отношение к «делу», внезапно возникшему у Пьетра.

Við þetta skip átti Pétur Pálsson altíeinu brýnt erindi. Óskeikula vitneskju um þetta erindi tókst að vísu aldrei að fá staðfesta með svardögum, en allt um það var erindið á hvers manns vörum bæði þennan dag og síðar... II, 126.

«На этом корабле у Пьетра Паульссона внезапно оказалось неотложное дело. Точных сведений об этом деле никто, разумеется, не мог дать, все же дело не сходило у людей с языка весь этот день и следующий.»

Повторы — удвоение или утроение слова увеличивают эмоциональную нагрузку слова, резче выделяя его среди других. Так, удвоение слова skjóta «стрелять», являющегося лейтмотивом рассказа о том, что «истинные исландцы» собираются прибегнуть к вооруженной помощи датчан, с особой силой подчеркивает это слово.

Allir voru uppfullir með að skjóta fólk, já bara skjóta, skjóta, en einginn sýndi áhuga á því að koma þeim börnum í jörðina sem þegar var búið að skjóta. II, 121.

«Все рвались стрелять в людей, да, стрелять, стрелять, но никто не заботился о том, чтобы похоронить детей, которых уже расстреляли.»

Удвоение и утроения в речи Тоурунн, напоминающие зловещие заклинания ведьмы, передают состояние напряженности, близкое к бегу.

...Trúa. Trúa. Trúa... að eilífu, eilífu—...það gerir ekkert til þó þú viljir ekki yrkja um draug draug draug. Það gerir ekkert til þó við úldnum einsog þau andskotans hræ sem við erum þegar [við erum dauð dauð dauð. Kondu, við skulum hlaupa burt burt burt. I, 318, 319—320.

«Верить. Верить. Верить... Вечно, вечно... Неважно, что ты не хочешь писать стихов о привидениях, привидениях, привидениях. Неважно, что мы сгнием, как падаль, когда умрем, умрем, умрем. Идем, бежим отсюда прочь, прочь, прочь.»

Дважды подряд повторяется слово *fiskur* «рыба» — девиз Юэля — сначала Юэлем, а потом Пьетуром.

Fiskur, muldradi stassjónistinn... Fiskur. Fiskur.

Fiskur, endurtók framkvæmdastjórinn grátandi. Fiskur, — og svo ekkert meira? I, 299.

«Рыба, пробормотал базовладелец... Рыба. Рыба.

Рыба,— плача, повторил директор.— Рыба — и больше ничего?»

В реплике Пьетура слова *fiskur, fiskur* также следуют одно за другим, и таким образом слово *fiskur* оказывается повторенным 5 раз.

Частичные (морфемные) лексические повторы выявляют общее в различных словах. Выявление общего ведет к сопоставлению. Важной деталью речевой характеристики эпизодического персонажа Хёртура-колониста оказывается то, что он говорит только о скотине и женщин называет тоже *kvenmannsskepur* «женская скотина»:

Bóndinn var að sínu leyti þakklátur að gestinum skyldi hafa litist á skepnurnar og að hann skyldi kunna að meta þær að verdleikum, og spurði nu hvort hann mátti ekki bjóða skáldinum í húsið og skoða kvenmannsskepnurnar líka. II, 95.

«Хозян был со своей стороны благодарен гостю за то, что тому понравилась его скотина, и что гость сумел оценить ее по достоинству, и спросил, не хочет ли гость теперь взглянуть на дом и женскую скотину.»

Выразительная сила повтора увеличивается от иронического несоответствия слова *kvenmannsskepur* «женская скотина» чувствам поэта, пришедшего в дом к любимой и не решающегося войти.

Хитрый Реймар, подлаживаясь к суровому крестьянину, улавливает и воспроизводит особенности его речи.

Крестьянин: *Ég er búinn að margsegja stelpunni... I, 130.*

«Я много раз говорил девочке...»

Реймар: *Ef Tóta vildi sinna honum, þá mundi það margborga sig fyrir hreppinn.*

«Если Тота захочет помочь ему, это с лихвой окупится приходу.»

Общая морфема может подчеркивать и различие между словами:

Okkur vantar ráðvant fólk, — ekki gafufólk og ekki heldur mentafólk, en sannkristið og vinnusamt fólk, lítilþægt fólk. Okkur vantar fólk sem ekki venur sig á skemtanir á þessum alvortímum, fólk sem ekki geingur úti hagann og brennir annarra manna mó. II, 167.

«Нам нужны порядочные люди,— не «одаренные люди» и не «образованные люди», а верующие и трудолюбивые люди, скромные люди. Нам нужны люди, которые не привыкли развлекаться в это серьезное время, люди, которые не выходят на пастбища, чтобы жечь потом торф, принадлежащий другим».

Староста стремится противопоставить одаренным и образованным людям послушных и забытых, так как образованные и одаренные люди кажутся ему опасными.

Параллелизм синтаксических конструкций.

Лексические повторы сочетаются обычно с синтаксическим параллелизмом. Под синтаксическим параллелизмом понимается «разнообразие видов различно выраженного структурного сходства связанных по смыслу предложений..., которое тем ярче проявляется, чем теснее их смысловая связь»⁴.

Синтаксический параллелизм обеспечивает сопоставление соотносимых элементов и способствует выделению различающихся элементов сопоставления, особенно в случае сочетания параллелизма с лексическим повтором.

Чаще встречаются случаи синтаксического параллелизма с повтором в начале соотносительных отрезков речи (анафора). Эпифорические конструкции (повторение соотносительных конечных отрезков речи) как средство иронии встречаются реже.

Анафорическое начало сразу, энергично выделяет тему:

Mundu hvernig fór fyrir Sigurði Breiðfjörð.

Mundu hvernig fór fyrir Jónasi Hallgrímssyni, kalli minn. II, 47.

«Вспомни, что случилось с Сигурдом Брейдфьörдом.

Вспомни, что случилось с Йоунасом Хадлгримссоном, мой милый.»

Að vinna, það kennir manni bara að hata þá sem vinna ekki... Að vinna, það er að hata. Að vinna, það er að láta sér leiðast. Að vinna, það er að hafa ekki að éta... I, 234.

«Работа учит лишь ненавидеть тех, кто не работает... Работать — это значит ненавидеть. Работать — это значит скучать. Работать — это значит не иметь еды...»

Естественно, что слова-лейтмотивы часто оказываются в начале параллельных синтаксических конструкций, см. слово *repíngag*, стр. 153.

Эпифора подводит итог высказыванию, с каждым повторением выделяя его все сильнее. Одинаковая концовка фраз способствует сопоставлению начала фраз.

Hrogn og lifur er líka mikilsvirði. Slor og grútur er mikilsvirði. Jafnvel skítur er mikilsvirði. Það eru bara manneskjur sem eru einskisvirði. I, 299.

«Икра и печенка также представляют большую ценность. Рыбные отходы и ворвань представляют большую ценность. Даже навоз представляет большую ценность. Только люди не представляют никакой ценности».

Нагнетение параллельных эпифорических конструкций выделяет слово *manneskjur* «люди», противопоставленное словам *hrogn* «икра», *lifur* «печенка» и др.

⁴ Определение взято из работы Т. Г. Винокур. О некоторых синтетических особенностях диалогической речи в современном русском языке. — Автореферат канд. дисс., М., 1953; стр. 12; с некоторыми изменениями, так как предметом указанного исследования является только устная диалогическая речь.

Эпанафора (повторение в начале нового предложения слов, заканчивающих первое) является эффективным средством выделения слова *peningar* в речи Тоурунн (см. стр. 12).

Главной задачей параллелизма синтаксических конструкций в тетралогии является противопоставление, поэтому часто встречается анафорическое оформление противительных конструкций. См., например, анафорическое употребление противительного союза *þegar... þá...* «в то время как... то...»

Þegar aðrir menn fóru i háskolann i Kaupmannahöfn, að nema djúpsett vísindi og fagrar listir, þá var hann sendur til Grænlands að beykja tunnur. Þegar dándismenn unnu þrekvirki í almennri meðalhegðun: settu bú saman, gerðu sér unaðsælt heimili með fríðri konu og þægum börnum, þá seldi hann sína konu fyrir hund. Þegar aðrir hófust á tinda frægðarinnar og hlutu embætti, nafnbætur og tignarmerki, þá var hann dæmdur í tuttugu og sjö vandarhögg... Þegar mætir menn feingu merkilegt andlát í skauti fjölskyldunnar, og elskandi hendur veittu þeim síðasta umbúnað, þá varð hann húngumorða í köldu úthýsi og sveitastjórninn lét keyra hræið burt. II, 281.

«В то время как другие отправлялись в Копенгаген, в университет, для углубленного изучения науки и изящных искусств, он был послан в Гренландию гнуть бочки. В то время как уважаемые граждане совершали подвиги, осваивая нормы приличного поведения, как то: обзаводились семьей, устраивали уютный домик, в котором были красивая жена и милые дети, он продал свою жену за собаку. В то время как другие поднимались на вершину славы, получали чины, титулы и отличия, он был осужден на двадцать семь ударов плетью... В то время как выдающиеся люди умирали замечательной смертью в окружении семьи, и любящие руки снаряжали их в последний путь, он умер голодной смертью в холодном сарае, и правление прихода приказало выкинуть труп на улицу.»

Одинаковый зачин лишь усиливает противопоставление соотносимых элементов как внутри анафоры, так и вне ее.

Það eina sem er verulega hættulegt á Íslandi er að stela frá þeim ríku og það eina sem er verulega arðbært á Íslandi það er að stela frá þeim fátæku, elskan mín. II, 167.

«Единственно опасное дело в Исландии — это красть у богатых, и единственно прибыльное дело — красть у бедняков, мой милый.»

Точно так же эпифорическое оформление параллельных конструкций резко сталкивает различающиеся соотносимые отрезки речи. В следующем случае полный синтаксический параллелизм с лексическим повтором и эпифорой четко выявляет антонимичность соотносимых отрезков речи. В то же время эпифора выполняет здесь и другую функцию: она помогает осознать, что, несмотря на противоположность методов, которыми пользуются грубиян Наси и садист Юст, действуют они одинаково.

*Uppá fjall, vinur, sagði Júst bláðlega og gekk skre piltinum.
Kjur a láglandinu, óskraði Nasi og gekk einnig skrefi nær piltinum.*

Gegndu mér, hvíslaði Júst.

Gegndu mér, grenjaði Nasi. I, 41.

«— Отправляйся в горы, дружок, — ласково сказал Юст и сделал шаг к мальчику.

— Оставайся в низине, — крикнул Наси и тоже сделал шаг к мальчику.

— Слушайся меня, — прошептал Юст.

— Слушайся меня, — рявнул Наси».

Чем полнее синтаксический параллелизм, тем резче противопоставление и тем сильнее комический эффект:

Pegar barið var að dyrum bjóst hann við að sjá konu með hvítan fald og gullkoffur um enni. En það var þá fangavörðurinn með kvöldbrauðið hans. II, 277.

«Услышав стук в дверь, он приготовился увидеть женщину в белых одеждах, с золотой диадемой на голове. Но это был тюремный надзиратель, принесший ему хлеба на ужин.»

Синтаксический параллелизм может совсем не сопровождаться лексическим повтором.

...Það var skrifað með stórum kriterstöfum á töfluna: Haldið árunni hreinni. Skarphéðinn Njálsson.

Fjorefnið er lifgjafi nútímans. Pétur Pálsson framkvæmdastjóri. II, 74.

«Большими буквами на доске мелом было написано: «Сохраняйте чистым ореол». Скарпхедин, сын Ньяля.

«Витамины — средство спасения в наше время». Директор Пьетур Паульссон.»

Одинаковое синтаксическое оформление двух призывов, написанных на школьной доске превращается в убийственную и как бы независимую от автора иронию, так как никакой авторской оценки при этом не дается. От того, что оба призыва представляют собой афоризмы, за которыми следуют имена их авторов, последние оказываются сближены в сознании читателя, и ассоциация Пьетура со Скарпхедином, героической личностью из саги о Ньяле, способствует осмеянию Пьетура.

Параллельные синтаксические конструкции часто представляют собой антитезу. На антитезе построен диалог Оулавюра и Эрдна у постели умирающего ребенка. При возражении, являющимся наиболее активной формой диалога, каждый из собеседников пользуется чаще всего структурой фразы и лексикой другого, чтобы победить противника его же оружием.

Изменение одного лишь элемента фразы Оулавюра в ответной реплике Эрдна резко выделяет антонимические пары.

Maðurinn lifir umfram alt á ófullkomleika sínum og fyrir hann.

Maðurinn lifir á fullkomnun sinni og fyrir hana, sagði Örn Ulfar.

Ekki getur þú neitað því Örn, að manneskjan er í eðli sínu fátæk, sagði skáldið..

Manneskjan er í eðli sínu rík, sagði gestur hans. II, 109.

«Человек живет прежде всего своим несовершенством и ради него.

— Человек живет своим совершенством и ради него,— ответил Эрдн Ульвар.

— Ты ведь не можешь отрицать, Эрдн, что человек по своей природе беден,— сказал поэт.

— Человек по своей природе богат,— сказал его гость.»

Оулавюр: Maðurinn er moldarvera.

«Человек — это прах.»

Эрдн: En í fyrsta og síðasta lagi er maðurinn eldvera. I, 110.

«Но человек прежде всего и в конце концов — это огонь.»

Такое сопоставление противоположных суждений об одном и том же, в силу своей настойчивой повторяемости, вносит элемент комизма и гротеска в трагическую сцену, осмысляемую как аллегория, и звучит насмешкой по отношению к Эрдну, в свете изображаемых событий, являющихся иллюстрацией к утверждениям Оулавюра.

Благодаря антитетическому построению реплик нередко возникают антонимические пары, образуемые словами, не являющимися антонимами в языке.

Við eigum að hafa hugsjónir í staðinn fyrir tóbak.

Við eigum að vera ættjarðarvinir en ekki tóbaksmenn. II, 43.

«Мы должны иметь идеалы вместо табака.

Мы должны быть патриотами, а не табачниками.»

Идеалы и табак, также как патриоты и табачники осмысляются как взаимоисключающие понятия. Такое сопоставление сразу лишает слов hugsjon «идеалы» и ættjarðarvinir «патриоты» привычной экспрессии.

Частичный лексический и синтаксический параллелизм ведет к осмыслению слов ljósvíkingur «житель Льюсавика» и bervíkingur «житель Бервика» как антонимов.

Hann er skáld, sagði stúdentinn. Sumir kalla hann ljósvíking, aðir bervíking. Skáld, hvort ertu heldur. II, 300.

«Он поэт,— сказал студент.— Одни называют его льосвикцем, другие — бервикцем. Поэт, кто ты из двух?»

Противопоставление двух обозначений поэта по месту, где он жил, осмысляется как намек на противоположные начала в натуре Оулавюра: поэтическое и земное, поскольку Ljósvíkingur — поэтический псевдоним Оулавюра, а в Бервике произошло его «грехопадение».

Нагнетение однородных членов и синонимов

К средствам логико-эмоционального выделения в целях достижения иронического эффекта наряду с повторами и параллелизмом синтаксических конструкций относится прием нагнетения однородных членов и синонимов, ведущий к усилению качества.

По принципу присоединения синонимов нередко строятся иронические метафоры. Так, об убийце из тюрьмы говорится:

Hann var í senn réttlætning hússins og tilverurök, metorðamaður þess, biskup, miljónamæringur og innra áhrifavald... II, 268.

«Он был одновременно оправданием существования этого дома и смыслом его существования, почетным гражданином этого дома, епископом, миллионером и высшей внутренней властью.»

О жизни:

...en vísindin fundu aungvan umtalsverðan sjúkdóm með manningum utan þennan sjúkdóm efnisins, þessar slysfarir í ljósvakanum, þennan misskilning í tóminu, sem heitir líf. II, 275.

«Но наука не нашла у него никакой болезни, о которой стоило бы говорить, кроме той болезни матери, того несчастного случая, произошедшего в эфире, того недоразумения, случившегося в пустоте, которое зовется жизнью.»

Гоффманские капли Дади Йонссона:

Þeir voru hans fjölskylda, miljón hans og hótel. I, 307.

«Они были для него семьей, миллионом и гостиницей.»

Нагнетение однородных членов может использоваться для усиления с целью противопоставления:

En þó hún gæti þolað af honum svipuhögg, húngur, kulda, synd, dauða og heidarlegar kvenpersónur, þá var eitt sem hún gat ekki þolað... II, 145.

«Но хотя она терпела побои, голод, холод, грех, смерть и честных женщины, одного она не могла вытерпеть...»

Нередко перечисление синонимов сочетается с синтаксическим параллелизмом, усиливающим комический эффект перечисления:

Ég skal kremja ykkur, ég skal mala ykkur, ég skal fletja ykkur. II, 124.

«Раздавлю, растопчу, в порошок сотру.»

Синонимы могут располагаться в порядке градации:

En þegar þú gerist opinber útsendari þeirra ættjarðarlausu á móti innlendu stefnu, á moti sjálfstæði þjóðarinnar, á -móti mér... II, 124.

«Но когда ты сделался публичным делегатом не имеющих родины против местной платформы, против самостоятельности народа, против меня...»

То, что упоминание о Пьетуре оказалось в вершине градации, делает перечисление ядовито-сатирическим.

Обращает на себе внимание трехчленность структуры синтаксического параллелизма и трехчленное присоединение эпитетов при комическом усилении. По-видимому, это характерный синтаксический рисунок фразы Лаконесса, служащей сатирическому усилению, заострению. Обычный синтаксический параллелизм, используемый в целях противопоставления, имеет в тетралогии двучленную структуру.

Как уже говорилось, параллелизм синтаксических конструкций используется прежде всего для выделения с целью противопоставлений.

Другие отмеченные логико-синтаксические приемы (повторы, нагнетение синонимов) служат как будто только средством выделения, необязательно с целью противопоставления. Однако они также являются отражением общего приема противопоставлений, организующего речевую систему тетралогии. Большая часть повторов являются словами, входящими в систему тех или иных противопоставлений, хотя их соотносимость с другими словами не всегда очевидна, так как они бывают разделены в контексте. Так в словах Тоурунн «Peníngar eru sannleikur... Peníngar eru fegurðin... Peníngar eru kærleikurinn...» I, 320, нет никакого противопоставления. Одинаковость оформления всех трех афоризмов Тоурунн способствует развитию мысли в одном направлении и делает слова kærleikur «любовь», sannleikur «правда», fegurðin «красота» синонимами, обозначающими ценность денег для Тоурунн. Однако усиление экспрессии в монологе Тоурунн важно не само по себе, а потому, что все ее слова соотносятся с теми же словами в употреблении Оулавюра и в конечном итоге служат противопоставлению Оулавюра и Тоурунн.

Подхват

Выявленные выше средства логико-эмоционального выделения не являются специфическими лишь для иронии Лакснесса. Можно сказать, что они характерны для синтаксического строя его произведений в целом. Параллелизм синтаксических конструкций, нагнетение однородных членов и синонимов одинаково широко используются с целью придания изложению патетического звучания. Однако иронический и лирико-патетический стилевой план в тетралогии существуют в тесной взаимосвязи и постоянно проникают один в другой, поэтому средства, которыми достигается патетический эффект, нередко переосмысляются и воспринимаются как средства создания иронии, и наоборот.

Однако есть в тетралогии один синтаксический прием, чрезвычайно характерный для ее стиля, используемый исключительно как средство иронии: подхват слова из реплики персонажа или целой реплики и включение его в авторскую речь. Этот прием является чрезвычайно эффективным средством иронии, так как позволяет выделить слово в речи персонажа, обычно эмоционально насыщенное. Кроме того, автор как будто не дает никакой оценки, но само общее для реплики персонажа и авторской речи слово является резкой оценкой тому персонажу, который его произнес.

Чаще всего подхватывается существительное, обычно эмоционально-оценочное.

Hvað er sú rétta skoðun á lífinu, kalli minn? sagði framkvæmdastjórinn.
Það vissi kallinn ekki. I, 203.

«Что такое правильный взгляд на жизнь, дружок? — спросил директор.

Дружок этого не знал.»

Снисходительно-пренебрежительное обращение Пьетура к Оулавюру актуализуется в авторской речи.

Ertu þá búinn að gleyma því að þú ert velgerðarmaður minn? spurði skáldið.

Velgerðarmaðurinn saug hálfugðan vindilinn og hleypti út skyi. I, 341.

«Ты, значит, забыл, что ты мой благодетель?»— спросил поэт.

Благодетель сосал наполовину изжеванную сигару, выпуская облака дыма.»

Подхват слова *velgerðarmaður* «благодетель» подчеркивает унижение Оулавюра и кроме того контрастирует с общим смыслом эпизода: Пьетур прогоняет Оулавюра и вдобавок обвиняет его в поджоге дома. Последний момент чрезвычайно важен. Само по себе выделение слова из речи посредством подхвата не играло бы столь существенной роли в создании иронического эффекта, если бы это слово не соотносилось прежде всего с контекстом, в котором оно употребляется. Обычно именно контекст и объективные события, в изображении которых участвует подхваченное слово, определяют его ироническое звучание.

В сцене прощания у Хольмфридур Пьетур заявляет:

Mitt nafn er Peder Pavelsen Three Horses.

«Меня зовут Педер Павельсен Три лошади.»

(Заметим: не *Þríhross*, а *Three Horses*, Пьетур не имеет ничего против своего язвительного прозвища, лишь бы оно звучало по-иностранному.)

Поэтесса обращается к нему попрежнему: *Petur* или *Petur minn* «милый Пьетур», но в авторской речи с этого момента он называется сначала *Peder Pavelsen Three Horses*, а потом *Peder Pavelsen*, т. е. так как сам Пьетур назвал себя:

sagði Peder Pavelsen Three Horses. I, 211.

«сказал Педер Павельсен Три Лошади.»

sagði Peder Pavelsen. I, 211, 212.

«сказал Педер Павельсен.»

И когда Пьетур называет себя просто *Three Horses*, в авторской речи он также называется *Three Horses*:

Mitt nafn er Three Horses...

Þegar þeir voru komnir út greip Three Horses undir arm honum sér tíl stuðnings. I, 212.

«Меня зовут Три Лошади...»

...Когда они вышли, Три Лошади схватился за его плечо, чтобы не упасть.»

Благодаря такому повторению слов Пьетура без изменений в авторской речи четче выступает противоречие в речах Пьетура: то он «не-исландец», а иностранец, то призывает основать общество истинных исландцев.

В начале 11-ой главы романа «Красота неба» в авторской речи, в которой слышится несобственно-прямая речь редактора, промелькнуло слово *atkvæði* «избиратель, голос.»

Hann heilsaði og sagðist heita Ólafur Kárason, en hinn var dálftíð í vafa um hvernig hann ætti að snúast við þessu atkvæði og hélt áfram að skrifa um stund í skjóli bakvið lönfettur sínar. II, 233.

«Он поздоровался и сказал, что его зовут Оулавюр Каурасон, но тот еще не решил, как ему обращаться с этим «голосом» и продолжал некоторое время писать, спрятавшись за своим пенсне.»

Слово *atkvæði* «голос, избиратель» сначала растворяется в потоке беседы, авторской речи и несобственно-прямой речи Оулавюра и редактора, но через несколько страниц появляется снова в обычной авторской речи, не являющейся ничьей несобственно-прямой речью. Его появление раскрывает, что в ходе беседы редактор думал только о том, как бы использовать Оулавюра в избирательной кампании. Слово *atkvæði* в авторской речи контрастирует с обращением редактора к Оулавюру как «Оулавюр-скальд», в момент, когда он думает о нем как о ценном избирателе:

Meðal annarra orða Ólafur skáld, hvernig er járdvegurinn fyrir Okkar Stefnu í Bervíkinni?

Um aðra menn þori eg ekki að segja, sagði atkvæðið... II, 236.

«— Между прочим, Оулавюр-скальд, каковы позиции Нашей Платформы в Свидинсвике?

— Я не смею сказать о других,— сказал «голос»...»

Иногда в авторской речи подхватывается глагольная группа или целая фраза. Введение в авторский текст такой глагольной группы или целой фразы почти без изменения и без комментариев обычно производит комическое впечатление.

Haldið þið einhverntíma kjafti edjótin ykkar, sagði framkvæmdastjórinn Ég heyrir ekki hvað maður segir.

Hann segir ekki neitt, sögðu börnin. Hann er ofviti og kann ekki einusinni að opna kjaftinn.

Við þessu frýuorð... skáldið... opnaði kjaftinn og sagði: Mig vantar atvinnu. I, 198.

«— Вы заткнете когда-нибудь пасть, идиоты? — сказал директор.— Я не слышу, что человек говорит.

— Он ничего не говорит,— отвечали дети.— Он чокнутый и не умеет открыть пасть.

При этих провокационных словах... поэт... открыл пасть и сказал: «Мне нужна работа».

Первый повтор реплики Пьетура представляет обычный для диалогической речи повтор. Второй повтор представляет собой авторский подхват, цель которого — иронический эффект.

Manneskjan er í eðli sínu rík, sagði gestur hans.

Lítu á þetta litla barn sem liggur hér á milli okkar —

Örn Ulfar leit ekki á barnið, en svaraði strax: það er ekkert eins sjálfsagt og nátturulegt og að deyja. II, 109.

«Человек по своей природе богат,— сказал его гость.

— Взгляни на этого ребенка, который лежит между нами.— Эрдн Ульвар не взглянул на ребенка, и быстро ответил:

— Нет ничего естественнее смерти.»

Повтор реплики Оулавюра в авторской речи почти без изменений выявляет легкую авторскую иронию по отношению к Эрдну, речи которого предстают как отвлеченная декламация.

Стык

В качестве средства иронического эффекта используется также стык. Смысл этого явления в данном случае заключается в том, что слова противоположной эмоциональной окраски оказываются предельно сближены в речи и при произнесении не разделены или почти не разделены паузой.

Непосредственная близость, в которой оказываются слова *hundar* «собаки» и *mikilmenni* «великие люди» и *svínastíu* «свинарник», *og íbúðarhús handa sjálfum mér* «квартира для себе самого» в нижеследующих примерах способствуют тому, что ярко выраженная пейоративная окраска предшествующего слова распространяется на последующее.

Hver var að tala um hunda? Mikilmenni, sagði ég. I, 190.

«Кто говорил о собаках? Великие люди, сказал я.»

Возражая против скрытого сравнения великих людей с собаками, которое Оулавюр чувствует в словах Халлы-беглянки, Оулавюр фактически делает его более эффективным.

Og ég ætla að gera úr því beituhús, matsöluhús, hótél, íshús, vísindafélag, svínastíu og íbúðarhús handa sjálfum mér, segi ég. I, 215.

«Я собираюсь сделать из него лавку, где будет продаваться приманка для рыб, ресторан, гостиницу, холодильник, академию наук, свинарник и квартиру для себе самого, говорю я.»

То, что в ряду однородных членов слово *svínastíu* «свинарник» оказывается в непосредственном соседстве со словом *vísindafélag* «академия» и особенно со словосочетанием *íbúðarhús handa sjálfum mér* «жилое помещение для меня самого» оборачивается издевкой по отношению к говорящему.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Anglų kalbos katedra

Įteikta
1964 m. balandžio mėn.

LOGINĖS-SINTAKSINĖS IRONIJOS REISKIMO PRIEMONĖS H. LAKSNESO TETRALOGIJOJE „PASAULIO ŠVIESA“

S. NEDELIAJEVA

R e z i u m ė

Sintaksinės priemonės tetralogijoje panaudojamos: 1) nelogiškam žodžių ir frazių sugretinimui ir 2) loginiam-emocionaliniam kalbos vienetų išskyrimui.